

советская культура

1990. — 24 февр. — с. 15

Ср. А. Абрамов

К 60-летию

Ю. Любимова

Должен признаться, что я не очень люблю юбилеи. Юбилейный жанр, как мне кажется, переживает сейчас явную девальвацию, явный кризис: вот так всем обрыдли кадения и славословия.

Но нынешнее торжество — по зову сердца, по велению души, потому что Юрий Любимов в нашей театральной культуре да и вообще в современной культуре — явление удивительное, масштабное, если хотите, небывалое.

И слава у Юрия Любимова, у его театра тоже небывалая, фантастическая. По крайней мере на моей памяти (а я человек, хотя и не достиг, по нынешним понятиям, еще среднего возраста, но и не молодой уже) такой славы, такой популярности не имел ни один театр. Впрочем, я здесь не делаю никакого открытия, и об этом за сегодняшний день было сказано уже немало.

Но вот вопрос, над которым еще и еще раз стоит поразмыслить: почему из года в год, вот уже на протяжении свыше десятка лет каждый спектакль на Таганке штурмует стар и млад? Почему такая необоримая страсть у зрителей к любимо-вскому театру?

Самое распространенное объяснение: Любимов — новатор театральной формы. Иные — и это главным образом чиновники от культуры, которые, кстати сказать, терпеть не могут этот театр, к этому добавляют: Любимов — нигилист и ниспровергатель, Любимов спекулирует на сомнительных чувствах зеленой, неоперившейся молодежи. Что ж, и в этом есть свой резон.

Конечно же, Любимов — бунтарь. Конечно же, Любимов — ниспровергатель. А как же иначе? Талант — это всегда бунт против косности и мертвечины в искусстве и в жизни, это всегда вызов чиновному обывателю, которому ничего не надо, кроме того, чтобы надежно и прочно покоился его крепкий руководящий зад в руководящем кресле. А Любимов не просто талант. Любимов — это талантище, если не сказать больше.

Приходилось встречаться — давайте уж говорить совершенно откровенно — и еще с одной версией небывалого успеха Таганки: Любимов, дескать, заигрывает с теми, которые оттуда, с тех краев, с той стороны, где закатывается солнце.

Ладно. Молодежь валит валом к Любимову, потому что у Любимова всегда пахнет скандалом, иностранцы, сволочи, те тоже понятно, зачем лезом лезут — погреть свои грязные руки, тухлой рыбки половить в мутной водице.

Ну а как быть с ученым миром, с академиками?

Вот всемирно известный ученый, патриарх нашей современной отечественной науки Петр Леонидович Капица. Нет и не было ни одного нового спектакля на Таганке, который не посмотрел бы и раз, и два Петр Леонидович. Что же, делать ему больше нечего? Или, может быть, на старости лет почтенный академик увлекся сеансами черной магии?

А глава ученой Дубны академик Флеров, который со товарищи на все новые спектакли за сотни верст едет, — его неизбывный интерес чем объяснить?

Повторяю, все правильно: Любимов — новатор театральной формы. Любимов — нигилист и ниспровергатель. Даже хулиган, если хотите (и так называют его), Любимов работает на молодежь, на иностранцев. А кстати, почему бы и не работать на молодежь и иностранцев?

Но вот что забывают. Любимов явил на сцене не только новую форму, полную неистощимой выдумки и фантазии, не только яркое, всех заражающее и освежающее театральное действо, в котором нередко — по-любимовски — смешано все: и открытая раскаленная публицистика, и лирика, и трагедия, и мелодрама, и народный балаган, и забытое ныне многими веселое, искрометное искусство скоморохов.

Любимов явил театру — и это самое главное — и новое содержание. Содержание опять-таки небывалое, захватывающее, с необыкновенной силой и пронзительностью выражающее главные вопросы современности, узловые проблемы нашей нравственности, морали и, не побоюсь сказать прямо, в лоб, — нашей политики, одним словом, всего того, чем живет наше время, наш человек.

Не буду утомлять вас долгим разговором на эту тему. Только два примера.

Отечественная война, наша величайшая национальная трагедия и наш небывалый взлет духа, героизма. Кто об этом в театре за последние годы сказал более пронзительно, более впечатляюще, чем Любимов в своих «Звездах»?

Проблема возрождения коренных земель России, от которых пошла русская государственность, проблема русского поля, русского хлеба, которая вот уже десятки лет не дает нам покоя, или проблема второй целины, как еще называется все это ныне... Тут я, конечно, должен бы опустить очи долу — как-никак и я приложил свою длань к «Деревянным коням». Но вот я мысленно, уже как бывший критик, перебираю наши так называемые колхозные спектакли (жанр, кстати сказать, не очень в большом почете у городского зрителя), и нет, ничего не могу поставить рядом с любимовским спектаклем.

Я коснулся только двух вещей Любимова. Но ведь нечто подобное, а может быть, и большее можно было бы сказать и о других спектаклях Любимова: «Добрый человек из Сезуана», который составил целую эпоху в нашем театральном искусстве, «Гамлет», «Мать», «Пугачев», который по своей лаконичности и ясности является, может быть, лучшей постановкой Любимова.

К сожалению, всего этого у нас часто не понимают. И не понимают прежде всего чиновники от культуры, ибо чем же иначе объяснить, что Таганка, любимейший театр у зрителей, в течение многих лет либо замалчивается, либо подвергается всякого рода разносам и оскорблениям.

Факты? А чем это не факт? Прославленный на весь мир режиссер не имеет ни единого почетного звания, ни единой награды!

Понимаю, понимаю: вот тоже нашел, из-за чего проливать слезы. Да это же пустяки, ерунда.

А собственно, почему пустяки? Почему ерунда?

Уж коли я заговорил о таких вещах, как почетные звания и награды, скажу и об артистах Таганки, об их почетных званиях, а следовательно, и об их зарплате.

В иной театр зайдешь — публики горстка, стайка, да и то часто из числа тех, кто хранит ему верность из уважения к его главному прошлому, зато заслуженных, народных и прочих — иконостасы.

На Таганке наоборот. А разве такие блестящие артисты, как Высоцкий, Шаповалов, Бортник, Жукова, Смирнов, Ронинсон, Власова, Смехов — кто еще? — да разве все они, давно уже заслужившие любовь и признательность зрителя, не заслуживают поощрения?

Кончаю. Наш юбилей в завидном расцвете своих творческих сил, своего огромного дарования. Но юбилей — это не только время сбора урожая, но время и закладки будущего урожая. Юбилей — это еще время, чтобы хорошенько и трезво поразмыслить о пройденном пути, о своих промахах и упущениях, о будущем.

Не хочу убаюкивать — у Юрия Петровича впереди немалые трудности. Юношеская команда, с которой он вышел когда-то в открытое море на кое-как оснащенной бригантине, сегодня уже не та. Это не беззаботные юнцы-романтики, бездумно влюбленные в своего капитана, готовые броситься в огонь и в воду по первому его слову. Сегодня — это прокаленные и просоленные морские волки, люди, которые с раздумьем всматриваются в окружающий океан жизни и которые пылливо и требовательно всматриваются в своего капитана, тоже, кстати сказать, уже не первой молодости: куда нас ведешь? Во имя чего? На какие глубины жизни и какой жизни?

Я верю: театральный корабль — теперь уже не допотопная бригантина, а именно корабль, оснащенный новейшей техникой. Я верю, что этот корабль, ведомый Юрием Петровичем, держит курс на самые большие глубины народной жизни, на самые важные широты и меридианы нашего буйного и сложного века. Иначе быть не может.

И да помогут ему боги в небесах, и да поможет ему партия на земле!